

ТАТЬЯНА БУРЦЕВА

РУСИЧИ

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ БИТВ

Татьяна Бурцева
Русичи: Не время для битв

«Автор»

2026

Бурцева Т. К.

Русичи: Не время для битв / Т. К. Бурцева — «Автор», 2026

Пятый роман из цикла «Русичи» переносит читателя в суровую эпоху татаро-монгольского нашествия. Чтобы дать отпор Орде князь Даниил Галицкий отчаянно нуждается в сильном союзнике, который не предаст в роковой момент. Им мог бы стать Александр Невский, но тот выказывает Орде полное подчинение. Тысяцкий Георгий с самыми верными воинами-русичами отправляется в трудный путь и волею судьбы оказывается в самом центре опасных испытаний. Ему предстоит проявить не только все свое воинское мастерство, но и невероятную стойкость, чтобы пройти путь до конца и попытаться убедить князя Александра дать решительный бой коварному врагу.

© Бурцева Т. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Георгий	5
Даниил – князь Галицкий	10
Олеся	17
Семен	24
Князь Василько	30
Камиль	34
Древодел Андрей	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Бурцева

Русичи: Не время для битв

Георгий

Сопротивляться не имело смысла. Свои, русичи, окружили их, стычка неминуемо привела бы к жертвам.

Георгий, не говоря ни слова, выехал вперед и остановился перед старшим дружины, что преградила им путь.

Он слышал, как за спиной среди его воинов раздался ропот, а Семен, сотник, в полголоса осадил их.

– Ты знаешь, кто я? – спросил Георгий, пытливо всматриваясь в лицо своего противника.

Тот был воином в годах. На висках – седина, на лице – усталость от битв и уверенность в собственной силе. Старшой рассматривал Георгия в ответ.

Перед ним был ладный всадник в кольчуге редкого плетения, сабля – дорогая, булатная. Голова непокрыта, темные волосы чуть шевелит ветер, что таится в черных цепких глазах – не прочитатъ.

– Знаю, – прищурившись, ответил старшой. На его лице не отобразилось, какие заключения относительно тысяцкого сделал он.

В душе у Георгия невольно похолодело.

Они вышли на охоту за нами. Зачем? Кто приказал?!

Однако страх и сомнения показывать было нельзя. В битве побеждает только сильный духом.

Георгий приподнял бровь.

– Если знаешь, кто я, по какому праву задерживаешь? – спросил он.

– Тебе потом объяснят, – без гнева, но с той же силой в голосе ответил старшой, – поверь мне, воевода, не стоит сопротивляться. Просто следуйте за нами.

– Далеко? – бросил тысяцкий.

– Недалече. Не будете противиться, ничего плохого не сделаем.

– Хорошо. – Георгий словно почувствовал негодование Семена – тот не любил сдаваться без драки, но он еще раньше принял это решение. С численным перевесом, неизвестные вои могли диктовать любые условия.

– Вот и ладно, – примирительно проговорил старшой. На его лице читалось невольное облегчение. – А то гордость многих доводила до беды...

Ехать и вправду было недалеко. В соседней деревушке вои остановились в одном из дворов.

Георгию и Семену предложили войти в дом. Приглашение, сделанное при таких обстоятельствах, не могло не быть принято. Оружие забрали – у Георгия саблю в богатых ножнах и византийский кинжал; Семен с видимой неохотой расстался с тяжелым шестопером и булатным мечом.

Тысяцкий считал, что их уже ждут, но комната была пуста.

В тяжелом молчании двое сели на лавку у окна.

– Как думаешь, кто это? – нарушил молчание Семен.

– Не знаю, – задумчиво ответил тысяцкий. – Старшой мне не знаком, значит не нашей дружины. Не иначе боярина какого вои страх потеряли. Или не боярина...

– Почему ты не подал нам знака? Мы могли отбиться. – Семен испытующе смотрел на своего начальника – он не понимал поступка тысяцкого, однако в трусости заподозрить не мог. Малодушия за Георгием отродясь не водилось.

– Мы едем по княжьему делу, – просто ответил он, – путь далекий, нельзя без серьезной причины терять людей. Да и воин этот не вызвал у меня ощущения тревоги, – тысяцкий улыбнулся, – ты знаешь, как это бывает...

– Не знаю... – Семен с сомнением покачал головой. – Мне он доброхотом не показался...
Георгий усмехнулся.

– Мне тоже... Просто что-то внутри подсказало, что сейчас не время сражаться...

Семен поморщился.

– Не больно-то предчувствиям доверяй, сдастся, пришли мы сюда как овцы на заклание.
Георгий прищурился.

– Не знаю. Скоро выяснится, так ли это. Наверняка нас просто хотят расспросить о чем-то... Иначе зачем сюда везти, поубивать могли на месте...

– А ты расскажешь? – Семен исподлобья посмотрел на Георгия.

Тот выдержал взгляд.

– Не расскажу, – просто ответил он.

Семен вздохнул.

– Так я и думал, – произнес он. – Мог и не спрашивать. Тогда надо было драться, – мрачно закончил он.

Георгий упрямо покачал головой.

– Нет. Надежда есть всегда.

Семен махнул рукой. Сотник знал, что спорить с Георгием – пустое занятие. Тот всегда оставался при своем мнении. Если решит чего – не своротишь. Чем бы это ему ни грозило.

Да и уверениям о том, что тысяцкий сохранит в тайне поручение князя Семен доверял сполна. О чем говорить, если сам Куремса от него слова не смог добиться, когда тот попал к нему в плен после битвы. Да что Куремса, Семен хорошо помнил то ощущение душевной силы, что исходило от Георгия, когда он, еще будучи недругом тысяцкого, пытался вывести зачем князь послал того в городище недалеко от границы...

Снова повисло молчание. Каждый думал о своем.

Дверь заскрипела, в горницу вошел старшой. Тревога была написана на его лице. Его, видимо одолели сомнения, что пленники станут спокойно дожидаться своей участи. Однако застав воев на прежнем месте, старшой, как будто, устыдился своих опасений. Какое-то неловкое выражение появилось на его лице.

Он сел напротив и со скрытым любопытством стал разглядывать своих пленников.

Георгий с Семеном невозмутимо ждали, ничем не выдавая напряжения, что заставило их нервы натянуться будто струны.

Очень скоро во дворе раздался конский топот. Прибыли новые всадники.

Послышались шаги в сенях. Сердца невольно замедлили свой стук.

В горницу вошел князь *Лев*.

Георгий молча встал и склонился перед старшим сыном своего князя. Семен нехотя сделал то же. Оба знали, что эта встреча ничего хорошего им не сулила.

Гордый и властный, Лев был в самом расцвете лет. Его взгляд при виде Георгия ожесточился. Это не смогло укрыться от взора тысяцкого.

Значит, дело совсем плохо.

– Почему они не пленники? – бросил тот.

Старшой невольно поежился.

– К чему? – произнес он, – эти люди сами пришли сюда. Не противились твоей воле...

– Вот как? – изумленно произнес князь. – Ты знал, что вои действуют по моему приказу? – обратился он к Георгию.

– Я догадывался, – твердо ответил тот. – Чьи еще люди осмелятся задержать посланника Даниила Галицкого?

Удовлетворение было явно написано на лице Льва.

– Хорошо, раз так, расскажи, какое поручение тебе дал мой отец и я, отпущу тебя, – произнес он.

Георгий хорошо знал, что Лев – гордец и своевольник, поэтому все они сейчас находились на волосок от гибели.

Невольно на ум пришел один из последних разговоров с Даниилом.

– ...Будешь ли ты верен моим сыновьям как мне? – спросил князь.

Георгий замедлил с ответом.

Князь нахмурился.

– Знаю, ты не любишь Льва, не больно жалуешь Мстислава...

– О чем речь? – прервал князь Георгий, глядя исподлобья, – я буду верен... Не важно, как я отношусь к княжичам, я не предаю.

Князь как-то невесело улыбнулся.

– На самом деле это важно, – задумчиво произнес он, – настоящая верность возрастает на уважении. Но я не прошу от тебя невозможного. Оставайся преданным моему младшему сыну – Шварну. Он еще молод. Ему нужны надежные и опытные люди.

– Что с тобой князь? Не занемог? – с тревогой спросил тысяцкий.

– Годы уже ведут иной счет, – с тех пор, как князь похоронил вторую и любимую супругу, в нем как будто что-то переменилось. Угас огонь, что заставлял сердце биться часто. С невзгодами, неурядицами бороться становилось все труднее.

– Кому отдашь Холм? – хрипло спросил тысяцкий. От этого зависело многое. Сам Георгий со своей семьей жил здесь, служба, друзья... все было в Холме. Он знал, что наибольший город вотчины всегда переходил старшему сыну. Неужто отдаст Льву?

– Шварну, – ответил князь.

Георгий вздрогнул. Он боялся даже представить, какая смута начнется, когда об этом решении станет известно. Слыхано ли дело, отдать столицу наимолодшему?

– Лев смирится, – убежденно произнес Даниил Галицкий, – за ним Львов останется и другие города...

– Твоя воля, князь, – чуть слышно ответил Георгий.

– Так ты расскажешь, куда и зачем тебя послал мой отец? – повторил вопрос Лев.

– Нет, – тихо ответил тысяцкий.

После этих слов повисло зловещее молчание.

Тысяцкий прямо, но без вызова смотрел на князя Льва. Тот сжимал рукоять сабли и пытался сдержать бешенство. Лицо Семена было не на шутку встревожено. А старшой пытливо всматривался в своего князя, ожидая знака, чтобы позвать воев.

– Прости, князь, – продолжил Георгий. Лицо его словно осветилось каким-то внутренним светом. – Я не могу тебе открыть то, что узнал от твоего отца и дал слово не разглашать под страхом смерти. Подумай сам, если бы ты отправил гонца, а он поведал о своем деле кому-то другому, ладно бы это было?

Князь чуть ослабил хват на рукояти. Георгий, между тем, продолжил.

– Ты доверяешь своим людям, князь Даниил доверяет мне. Не, гневайся, я не могу предать его.

Лев с неприязнью смотрел на тысяцкого.

– Подумай о том, кто в скорости станет твоим князем, – бросил он.

По спине Георгия невольно пробежал мороз. *Очень* многое он мог бы рассказать Льву, но не хотел.

– Я буду верен тому, кого князь назначит своим преемником, без всяких сомнений, – нахмурившись, произнес он. – Но сейчас я выполняю волю Даниила, а ты почему-то... – Георгий на мгновение замолчал, но, будто бы решившись, продолжил: – травишь меня как зверя, не даешь ехать дальше. Мы сами пришли сюда, чтобы не причинить зла твоим людям, а ты пытаешься запугать нас.

Князь неожиданно расхохотался. Семен со старшим изумленно переглянулись.

– А тебя можно запугать? – зло продолжил Лев. – Ты же Георгий Хоробрый? Так, кажется, тебя зовут в дружине моего отца? Любой другой на твоём месте уже рассказал бы все, что я хочу знать. Ты же мне ни слова не скажешь, даже если я с тебя с живого шкуру сдеру! И приятель твой не лучше! Нашел себе отец помощничков!

При этих словах Семена против воли пробрала дрожь – он не был настолько уверен в себе. Однако князь этого не заметил, он вперился горящим от ненависти взглядом в Георгия. Тот стоял перед ним, чуть опустив голову, не отводя упрямого взора.

– Что ты хочешь знать? – спросил он.

Лев от неожиданности опешил. Он совсем не так хотел говорить с тысяцким, но, уже войдя в горницу и узнав гонца, понял, что все пойдет наперекосяк. В глубине души он побаивался Георгия, как боятся и недолюбливают человека более сильного духом, хотя Лев и сам был непрост, с гонором, повоевал немало – водил рать и на татар и на ятвягов. Но тысяцкий был иным, более цельным что ли... К тому же в дружине о везении Георгия рассказывали совершенно невозможные вещи. Князь, как человек в некоторой мере суеверный, не хотел испытывать судьбу.

– Куда ты едешь? – спросил он.

– Это не тайна, – с облегчением ответил тысяцкий. – В Орду.

– Вот как! – с невольным удивлением произнес Лев. – Зачем?

Чело Георгия снова омрачилось.

– Этого я не могу открыть.

Лев схватил его за грудки и затряс. Тысяцкий даже не пытался сопротивляться.

– Скажи, это не связано со Шварном?! – в запале прокричал князь, – скажи! Ты должен мне сказать! Вы ведь о нем переговоры вести будете?

– Нет! Слово даю, нет! – прокричал Георгий в ответ, его вывела из себя двусмысленность ситуации. – В том поклянусь, но больше я тебе ничего не скажу, – возбужденно продолжил он, – что хочешь со мной делай, но сперва подумай, как о том Даниил порешит, когда узнает, что гонец его тобой захвачен и жизни лишен. Кого он своим верным сыном считать будет!

Лев разжал руки, с большим трудом он смог обуздать свой гнев. Именно крутой нрав и гордость станут впоследствии виновниками его роковых ошибок.

– Уходи, – со сдержанной яростью произнес он.

Георгий помедлил, словно смысл сказанного дошел до него не сразу, затем низко склонился перед князем.

– Спаси тебя Бог, – произнес он, – я, действительно спешу по важному делу, от которого зависит судьба Галича и Владимира Волынского, не обессудь. Об этой замятне никто не узнает.

Лев чуть склонил голову в ответ. Последние слова он услышал с постыдным для себя облегчением. Приказ остановить гонца Даниила Галицкого был отдан в припадке безрассудного гнева. До него доходили слухи о том, что отец хочет вне очереди возвысить их меньшего брата – Шварна, и сейчас, как ему показалось, Даниил задумал вместе с Васильком Волынским решить это дело.

Как бы то ни было, Георгий был отправлен с иным поручением, хотя невольно был посвящен и в эту тайну.

Тысяцкий остановился напротив старшего.

– Моя сабля, – произнес он, глядя тому в глаза.

Старшой молча отдал оружие, затем вернул Семену его арсенал.

Вои неторопливо вышли из дома. Сели на коней, Георгий дал знак своей небольшой дружине трогаться. Все это произошло в гробовом молчании. Вои князя Льва недоверчиво и настороженно смотрели на это зрелище, но вышедший следом из дома старшой махнул рукой, чтобы те не препятствовали отбытию странных гостей.

Лев тоже показался на пороге, провожая отряд тысяцкого взглядом прищуренных глаз.

– Может, зря ты его отпустил? – произнес подошедший старшой.

– Пусть идет своей дорогой, – раздраженно махнул рукой князь, – он дал слово. А большего мы, все одно, от него не добились бы.

– Ты так веришь его слову? – поинтересовался старшой.

– Его слову можно верить, – зло бросил князь, – да иным у него не грех верности поучиться.

Лишь только отряд достиг околицы, Семен с шумом перевел дух.

– Вот это да! – воскликнул он. – Не думал, что живыми от княжича уйдем. Поначалу даже боялся, что тот тебя не сходя с места зарубит! А потом и до меня очередь дойдет! Что молчишь? Егор? Ась?

Семен удивленно перевел взгляд на своего тысяцкого.

Тот поправлял ремешок, которым пристегивались к поясу ножны византийского кинжала. Тот никак не хотел затягиваться как надо – руки тысяцкого дрожали.

– Ты чего? – с тревогой спросил Семен. – Охолони! Все уже прошло!

Георгий застегнул-таки непокорную пряжку. Чуть прикрыл глаза, вдохнул глубоко, чтобы успокоится.

– Сейчас пройдет, – почти ровно произнес он и с виноватой улыбкой добавил: – Против воли боюсь его, шалого. Кто знает, что ему в голову взбредет, князь ведь! Честное слово, с тарханом Джанибеком в Орде проще говорить было.

Семен сощурился. Несмотря на смелое и уверенное поведение тысяцкого, сотник понял, что победа в этом своеобразном поединке со Львом далась Георгию нелегко. Слишком много душевных сил он потратил на борьбу с княжичем, что был хозяином положения. Страху тысяцкого как раз никто и не заметил, даже Семен. Если бы тот хоть на миг смалодушничал, дружина не покинула бы двора.

– Сдается мне, – начал с ехидной усмешкой сотник, – ты только что нажил себе врага.

Георгий открыл глаза.

– Лев никому не друг, – ответил он, – я не мог поступить иначе.

– Знаю, – протянул Семен. – Только пусть Даниил Галицкий еще с десятков лет покняжит – на мой век хватит. Не хочется его сынку в верности присягать.

– Как Бог даст, – ответил Георгий. Его чело перечертила морщина. Даже Семену он не мог рассказать всего, что знал сам.

Даниил – князь Галицкий

Лето. Год 1263 от Рождества Христова. Холм. *За три недели до описанных выше событий.*

Георгий уже подходил к княжескому двору, когда его обогнал запыленный всадник.

Гонец, не иначе. Торопится. Жди плохих вестей.

Георгий криво усмехнулся, однако сердце тревожно замерло. Не любил он встречать этих гонцов. Тем не менее, тысяцкий, не торопясь, продолжил свой путь.

К князю позвали почти сразу. У него уже находилось с десяток преданных бояр – собрались на думу, да гонец новости привез.

Георгий поклонился князю и боярам, Даниил, кивнул ему, чтобы тот присаживался по своему чину – он заканчивал читать грамоту, привезенную гонцом.

– Миндовг Литовский убит, – наконец объявил он.

Голоса бояр зашелестели. Георгий сначала опешил. Он не знал, как относиться к этому известию. Миндовг был непростым соседом. Не раз он клялся в дружбе Галицкому и Владимиро-Волынскому княжествам, но клятву свою соблюдал далеко не всегда. Даниила с Миндовгом связывало многое: родственные узы – его вторая жена была племянницей литовского князя, а его сын Шварн был женат на дочери Миндовга; многочисленные договоренности, что соблюдались в зависимости от обстоятельств...

Литовский князь был хитер и коварен, но что произойдет сейчас, когда он убит? Кто возьмет власть в свои руки? Не будет ли литовская смута еще хуже правления ненадежного, но сильного князя, объединившего Литву?

– Чему удивляться, если он убивал своих братьев и племянников, а иных изгонял! – возвысил голос один и бояр.

– Гордыня его до того довела, считал ведь, что нет ему равного, – подхватил другой.

Голоса загомонили.

– Иная тут история вышла, – произнес Даниил, – слушайте, прочту, что мне пишут.

Бояре снова замолчали.

– Сначала, о Войшелге, сыне Миндовгове, нашем союзнике, – начал князь, – но то мы знаем: «на берегу Немана, на границе Литвы и Новогрудка, он воздвиг себе монастырь и поселился в нем. Отец же не принял его выбор, упрекая в его образе жизни, и это вызвало у сына сильную неприязнь к отцу». Теперь о Миндовге: «Умерла жена князя. Смерть княгини повергла Миндовга в горе. Ее сестра, супруга нальщанского князя Довмонта, была приглашена для прощания. Однако, когда она приехала, Миндовг, движимый коварным замыслом, решил жениться на ней. Он убедил ее, что покойная сестра перед смертью желала этого, чтобы обеспечить благополучие детей. Довмонт, узнав о таком вероломстве и потере жены, был вне себя от гнева. Осознавая свое бессилие перед могуществом Миндовга, он начал искать сообщников. Его выбор пал на Треняту, племянника Миндовга, и вместе они вынашивали план убийства. Пока Миндовг был занят войной за Днепром против брянского князя Романа, Довмонт, участвовавший в походе, воспользовался моментом и вернулся. Он настиг Миндовга и совершил кровавую расправу, убив его и двух его сыновей.»

Повисло молчание.

– Вот так женился...

– Седина в бороду, бес в ребро!

– Вот я и говорю, по дури погиб! – произнес первый боярин, – не трогал бы родственников, и сейчас жив был бы.

– Ты прав, – задумчиво произнес Даниил. – Великий был князь, а суетное его переломило. Все труды прахом пошли.

– Что ж теперь в Литве будет? – бросил кто-то.

– Не знаю, – протянул Даниил. – Пишут так же, что Войшелг побоялся, что и он погибнет без чести и бежал в Пинск. Думается, что теперь Тренята с Тевтивилом будут власть делить.

– Чтоб они друг друга поубивали! – бросил кто-то.

При упоминании о Тевтивиле у Георгия пробежал мороз по коже. Этого князя он хорошо знал. Не так давно они разыскивали сына Даниила – Романа, которого предал и пленил Тевтивил. При определенном стечении обстоятельств он со своим десятником Анджеем оказался в плену у литвинов, из которого ему чудом удалось освободиться. Если бы Тевтивил получше разобрался, кого взял воевода Ковдижад, то этой счастливой случайности могло и не представиться.

Князя Георгий запомнил хладнокровным и жестким человеком, что не щадит врага, но зря над ним и не ругается.

– Что же теперь будет в Литве? – спросил кто-то.

– Не знаю, – ответил Даниил, – мне кажется, нам стоит поддержать Войшелга.

– Но как? – изумился первый боярин. Он был старше самого Даниила, был уважаем им, поэтому говорил, что хотел и когда хотел, – Войшелг отказался от мирской власти, ушел в монастырь. Слишком много крови людской пролил он раньше. Ему нет дороги назад.

– Знаю, – с печалью в голосе произнес Даниил, – но при таких обстоятельствах лучше бы ему вернуться. Не время сейчас замаливать грехи, пока его двоюродные братья друг против друга злоумышляют, а Литва князя не имеет.

– Пошлем гонца в Пинск, – продолжил боярин, нужно Войшелгу дать знать, что без помощи его не оставим, может и передумает.

– Быть может, – ответил Даниил. – Отправь в Пинск верного человека. А другого – во Владимир. Васильку, брату моему, надобно сообщить. Будем ждать новостей. Думается мне, развязка ждать себя не замедлит.

– Дурное дело нехитрое, – подхватил кто-то.

– Великая злоба в сердцах. Хотят охватить больше, чем удержат, – продолжил старый боярин.

– Подождем, – еще раз повторил Даниил. Тем паче, что у меня иная забота сейчас есть... – князь поднялся, давая понять, что дума на сегодня окончена.

Бояре как по сигналу стали вставать и двигаться к выходу. Встал и Георгий.

– Тысяцкий пусть останется, – услышал он приглушенный голос князя, – проводи ко мне. Матвей, старый слуга Даниила подошел к Георгию и тронул за локоть.

– Здрав буди, Егорушко, поди, князь зовет, – произнес он.

– За тем пришел, – ответил тысяцкий. – Веди.

Матвей пошел вперед. В покой князя редко кого допускали. Сам Георгий был там всего несколько раз.

– Как князь? – спросил он у Матвея.

– Расхворался что-то, – горестно ответил тот. – Но ничего, пересилит и в этот раз.

– Дай то Бог, – совершенно искренне ответил Георгий. Он любил своего князя. Любил за то, что тот был мудр и смел, властен, но справедлив, ценил людей не за родовитость и звания, а за личные заслуги; за то, что Даниила Галицкого даже сейчас, когда ему пришлось смириться перед Ордой, боялся и уважал хитроумный хан Берке.

– Дай Бог, подхватил Матвей.

В молчании вошли в покой.

Князь сидел у стола, еще раз перечитывая послание из Литвы. Оторвал взгляд, тепло улыбнулся.

- Входи, Георгий, – произнес он, садись рядом.
- Тысяцкий низко поклонился. Прошел, присел на лавку.
- Расскажи о Кременце, – произнес князь.
- Георгий опустил глаза, снова поднял.
- Прости, я не выполнил твой приказ, – произнес он.

Несколько месяцев назад Даниил Галицкий поручил Георгию тайно начать восстановление деревянной крепости в Кременце, которая была разобрана по приказу темника Бурундая. Прибыв в городок, вместо того, чтобы наращивать стены, тысяцкий вынужден был на останках укреплений отражать набег разбойничьих ватаг, которым кто-то рассказал байку о неотправленном вовремя оброке. Оброка в городке не было, но татям этого не объяснишь. Около недели продолжалась осада, пока, наконец, не подошел сотник Семен с подмогой. Крепость, что уже начали восстанавливать, местами была подожжена, местами порушена. Поэтому Георгий все-ррез опасался гнева князя. В Холм он явился, чтобы доложить о случившемся, и доставить пред князьи очи предателя, что стал причиной всех бед.

Тысяцкий смотрел прямо. Он не любил изворачиваться, чтобы избежать неприятных для себя последствий.

Даниил нахмурился.

– Знаю, что не выполнил, – произнес он. – Но знаю так же, что не твоя в том вина была. Расскажи все по порядку, а то «доброхоты» твои и так уж расстарались. Хочу от тебя послушать, как дело было.

Георгий глубоко вздохнул. Он не сомневался, что его опередят. Одно счастье, что князь знал тысяцкого давно и доверял больше, чем иным боярам.

– Хорошо, – начал он, – расскажу, как есть по совести, не щадя ни вражеских дел, ни своих.

Даниил чуть улыбнулся. Георгий был в числе немногих без сомнения преданных ему людей. Поэтому рассказ тысяцкого он заранее принимал на веру. Тот служил не за милости или награды, а за совесть. Не боялся иной раз перечить ему – самому Даниилу Галицкому, на что решался мало кто.

Но не таков он был, чтобы дать почувствовать своим ближним свою силу и безнаказанность.

– Зачем боярина Доброслава ко мне привез? – прищурившись, спросил князь. – Сродники его уж приходили, говорят, обиду ты им нанес великую, Доброслава в поруб заточил, жизни чуть не лишил, да еще дочь его с холопом повенчал, так это?

Георгий вспыхнул, но подавил гнев.

– Так, – возбужденно ответил он, – Доброслав Кременец чуть татям не сдал, благо ему помешали. А до того оброк, что по осени собрали, расточил, а в этом недруга своего обвинил – боярина Вышка.

– Вышка? – князь нахмурился, – не того ли, что я с наместников снял?

– Того! – с волнением в голосе продолжил Георгий. – Доброслав, да его родня в Холме оклеветали Вышка. Тот по чести тебе служил, а потом вовсе голову сложил, когда тати на стену ринулись. Он свою кровь проливал, когда Доброслав чужую будто иуда.

– Хорошо, – ответил князь, – я тебе верю. Отчего сам Доброслава не покарал? Я тебе волю такую дал.

Георгий смешался. Ему неловко было признаваться, что он просто не решился осудить на смерть человека, пускай даже предателя.

– На твой суд решил привезти, – ответил он. – Ты его в наместники, назначил, тебе и жизнь его решать.

– Это так, – ответил Даниил, – но потом я назначил наместником тебя, ты должен был сам все рассудить на месте.

– Не смог, – опустив глаза, ответил Георгий.

Даниил недовольно покачал головой.

– Власть должна быть разумной, милостивой, – произнес он, – но еще власть должны бояться и уважать. Ты сделал правильно, что оборонил город, чем показал себя смелым и решительным наместником, по правде вернул честь Вышку – это было справедливым поступком, но Доброслав не должен был остаться безнаказанным. Наместничество – тяжелая доля. Тебе ко многому придется привыкнуть, в том числе брать на себя груз ответственности за судьбы других людей...

Георгий кивнул. Он был согласен с князем, но в голове все равно ворочалась мысль: «не хотел я быть наместником, не мое это, не мое».

– Что с крепостью? – спросил князь, переменив тему. Он почувствовал сомнения своего тысяцкого – слишком хорошо его знал. Однако достоинств Георгия хватало с лихвой чтобы окупить недостатки.

– Крепость восстановлена на одну треть, – с готовностью ответил Георгий. Он был рад смене темы.

– В Кременце был пожар? – поинтересовался Даниил.

– Был, – ответил тысяцкий. – Надвратная башня сильно пострадала, – Георгий на мгновение запнулся, – ее подожгли изнутри. Моя вина. Не доглядел... Стены, что мы успели поднять на три венца, особо не повреждены. Дома погорели, но ливень, что начался во время последнего натиска, не дал городу погореть.

– Это хорошо, – произнес князь, – значит не все еще потеряно. Со временем можно будет продолжить крепость поднимать... Как город? Много народу погибло?

– Не много, Семен вовремя подоспел с подмогой, только... – Георгий замаялся.

– Что? – спросил Даниил.

– Упадок там большой. Люди, еще до того как я приехал, места эти стали покидать. Крепость мы почти заброшенной нашли. Хорошо древодел многое порассказал, они с Вышком быстро дело начали, да тати не дали до конца совершить... Древодел тот, Петро, первым погиб. Доброслав его порешил как разбойник...

Князь снова нахмурился.

– Я вижу, Доброслав этот во многом навредить успел. Тем хуже для него будет кара. Так что же? Теперь некому крепость до прежней высоты поднять?

– Есть еще один человек, – медленно начал Георгий, – Андреем зовут, говорят знатный древодел в тех местах. Прежнюю крепость в Кременце помогал рубить. Я его разыскать велел. А еще... он моим родичем оказался. Думал, что всю семью татары извели, а дядько за артелью из деревни ушел. Так и спасся.

– Хорошо, – ответил князь и то и другое ладно. – Найдется родич твой, если дельный древодел, доверю ему Кременец.

Георгий улыбнулся.

– Я своим поручил найти. Из-под земли достанут. За себя Семена оставил. Больше некого. – Лицо тысяцкого омрачилось, – Хмурый погиб, Анджей – еле выхворался, слаб еще, в последней схватке насмерть стоял, всего изранили...

– Знаю, – ответил Даниил, – жалко хорошего разведчика. А Анджей – пусть сил набирается, раз так показал себя, оставляю за ним сотенное. Но ты не должен себя винить, как наместник ты поступил правильно. Защитил людей, а это – главное. Простой люд должен знать, что власть княжескую ордынцы не порушили. Будет им и право и защита. Тогда назад в Кременец потянутся. Начнет город оживать.

Князь ненадолго замолчал.

– Так все же что там с боярской дочерью вышло? – внезапно продолжил он. – Неужто и правда холопу отдал?

Лицо Георгия приняло упрямое выражение.

Взял Георгий такой грех на душу. Да и было ли то грехом? Юноша и девушка преданно и сильно друг друга любили.

– Не холопу, – возразил он, – Никола – вдач. На год всего продался, чтобы семье помочь, а так, рода ратного, не холопского. Отец его в один из ордынских набегов голову сложил.

Даниил снова нахмурился.

– Все одно, негоже девицу боярского рода за голодранца отдавать. Нажил ты себе врагов среди бояр!

– Что до бояр, – вспыхнул Георгий, – так я от них милостей не жду, – а за Николу буду стоять до конца. Этот малец рассказал нам о том, что готовится нападение на Кременец, с Хмурым в ночной набег ходил, чтобы людей освободить, затем в самый разбойничий лагерь пробрался, саблю добыл, да потом на стенах насмерть бился. Иным боярам у него бы смелости занять.

– Девица знает, что вотчины отцовской ей теперь не видать? – хмуро спросил Даниил.

– Знает, – просто ответил Георгий. – Но по молодости ни о чем таком и не думаешь. Наталка будет ему верной женой и без боярского терема, да закровов.

Князь неожиданно усмехнулся.

– Так, говоришь, дельный ратник из него получится? – спросил он.

Георгий с готовностью кивнул.

– Головой отвечаю.

– Хорошо, – неожиданно произнес Даниил, – сюда его заберу, для Юрия, внука моего, хорошим товарищем будет. Правильные люди сейчас в редкость. Вместе в зрелость войдут – будет Юрию на кого положиться... – заступничество Георгия, да еще такое, имело для князя большое значение. – Земли Доброславовы заберу, но девушке хорошее приданое оставлю. Негоже им по миру идти...

– Спаси тебя Бог, князь! – Георгий чуть было не кинулся в ноги Даниилу, – но тот жестом остановил его. – Смотри, головой отвечаешь, никто тебя за язык не тянул. И так придется боярство ущемить... – Даниил усмехнулся. Георгия он все равно не дал бы в обиду. Лет пятнадцать назад Галицкий князь, так же как сейчас Николу, возвысил того из простых ратников за верность, смелость и живой ум. Имея редкое чутье на людей, Даниил всю свою жизнь старался окружать себя лишь теми, на кого мог положиться в трудную минуту.

– Когда назад возвращаться? – взволнованно спросил тысяцкий.

– Назад ты не вернешься, – ответил князь, – и Семен там не останется. Есть у меня для вас другое дело.

Тысяцкий обескуражено замолчал, ожидая, когда князь объяснит, в чем заключается его новый приказ.

Даниил склонился ближе, даже здесь опасаясь, что его подслушают. Ханские уши были везде.

Разговор принял совсем другое русло.

Уже несколько лет Галицкое княжество не имело прямых столкновений с Ордой. Литва была занята междоусобными стычками. Однако княжество еще не достаточно оправилось после похода Бурундая. Даниил безуспешно искал союзников.

Соседние католические страны, казалось бы, не отказывали Галицкому князю, между тем, не оказывая реальной помощи.

Достаточно было вспомнить безуспешные переговоры с Папой Римским – тот предлагал подписать унию об объединении церквей, а Даниил требовал крестового похода против Орды. В результате многочисленных встреч с папскими легатами и долгой переписки каждый остался при своем. Совсем скоро Галицкому князю в одиночку пришлось отбиваться от ордынского темника Куремсы.

Были у него союзники и на Руси. Андрей Ярославович – брат Александра Ярославовича, героя Невского, в то время Великий князь, да Ярослав Ярославович Тверской не желали покоряться подобно Галичу.

В попытке скрепить узы, Даниил отдал свою дочь Устинию в жены Андрею, но этот союз русских князей, словно нить, протянутая слишком далеко, порвался. Расстояние между их владениями и отсутствие единой воли обрекли его на провал. Когда Андрей осмелился бросить вызов Орде, прекратив выплату дани, возмездие не заставило себя ждать. В 1252 году, как гром среди ясного неба, на Северо-Восточную Русь обрушилась Неврюева рать. Ордынцы, внезапно подошедшие к Переславлю, застали Андрея врасплох. В жестокой сече, где лишь тверские дружины Жирослава пришли на помощь (Галич, увы, оставался в неведении относительно беды, постигшей соседей), Андрей потерпел поражение и был вынужден искать убежища у шведов. Неврюй же оставил после себя выжженную землю.

Это поражение не только лишило Даниила его союзников, но и надолго отбило у большинства князей всякую мысль о сопротивлении, и лишь Галич с Владимиром Волынским, до 1259 года воевали с Ордой.

Теперь и Литва, что при случае могла объединить силы с Галичем, впала в смуту, лишившись своего единовластного князя.

Даниила тревожило одно – что он оставит своим детям. Сильное княжество или слабое. Не за горами был тот день, когда ему придется оставить бранный мир и передать власть сыновьям. Даниилу Галицкому было 63 – в годы, когда едва доживали до сорока, князь прожил долгую жизнь.

– Тебе, Георгий, я поручу важное дело, – между тем, продолжил князь. – Из всех князей, кто мог бы стать против Орды, имеет силы только Александр – герой Невский. Многожды я предлагал ему союз, но он раз за разом отказывал. Вот и сейчас, уже в четвертый раз он отправился в Орду к хану на поклон, унижаться, заискивать расположения вельмож, расточать им богатство русских земель, чтобы отмолить от ордынской кары людей, которые в запале поубивали у себя баскаков. А до той поры пришлось ему уговаривать свой народ не противиться татарам, платить дань, а если упрямылись – заставлять силою. Тяжко это. И мне таково приходилось. Сам знаю – был в Орде. Неужто и теперь чаша его терпения не переполнится? Где его ратные победы? Неужто позабыл? Не может того быть! Он же брат мне, оба от Владимира Мономаха род ведем! Не мы, так дети наши пусть за Русь постоят! – лицо князя было наполнено внутренней силой, глаза горели. – Отправляйся к нему, Георгий. Договорись о тайной встрече. Проси от моего имени забыть обиды, какие были, и подумать о Руси, о том, что порознь мы слабы, а вместе – грозная сила. Не могу сейчас уйти, до того, как устрою союз между Южной и Северной Русью, – голос Даниила стал чуть слышен, – до того, как увижу надежду...

Георгий сидел как оглушенный. Князь сейчас говорил о том, о чем многие из них не переставали думать. Александр, казалось, не жалел своего народа, действовал сообща с татарами. Лишь немногие считали, что только тяжелая необходимость заставляла Александра делать так, что, поступи он иначе, новый страшный погром татарский обрушился бы на несчастную Русскую землю.

– Не мне судить о том, что ты говорил, князь, раз велишь, поеду, все сделаю, как скажешь, – произнес Георгий.

Лицо Даниила было задумчиво.

– Я думаю, Александр не откажет мне во встрече, – произнес он. – Дальше решится по Воле Божьей. Поезжай, быть может, это моя последняя надежда освободить Галич и Владимир от постыдной дани. Я должен еще раз попробовать...

Георгий потер подбородок. Сама по себе такая поездка была опасна и ставила под удар обоих князей, если тайна раскроется. Кроме того, исход предприятия вызывал сомнения. Если Александр до этого уклонялся от совместного выступления против Орды, значит, имел на то веские основания.

– Я поеду, без сомнений, – повторил он, – только станет ли великий князь со мной разговаривать? Да и как я докажу, что говорю от твоего имени? Грамоту везти опасно... вдруг обыщут? Доверится ли мне князь Александр?

– Не беспокойся, во Владимире мой брат даст тебе провожатых, они все устроят, – ответил князь и, чуть помедлив, добавил, – знаешь сам, положиться могу только на тебя. Ты не предашь, не отступишь. Тайну не выдашь даже на муке. Постарайся выполнить мое поручение. От этого многое зависит. Быть может, и для Южной и для Северной Руси.

– Когда ехать-то? – просто спросил Георгий.

– На той неделе. Вестей жду, как получу – отправитесь.

– А куда ехать? Где сейчас Александр? Вернулся уже?

– Князь Александр еще в Орде, как будто в дорогу собирается.

От этих слов сердце Георгия остановилось. Он хорошо помнил свою предыдущую поездку в Орду, и чем она для него чуть было не закончилась.

Лицо тысяцкого помрачнело.

– Вижу, что боишься, – произнес князь, – знаю, что много у тебя в Орде недругов, только кроме тебя ехать все одно некому. Встретишься там с верными мне людьми, помогут.

– С тарханом Джанибеком? – невольно затаив дыхание, спросил Георгий.

Князь рассмеялся.

– Нет. Не с ним. Может статься с приятелем своим – Тенгисом.

– Уж лучше со смертью в саване и с косой, – пробормотал в полголоса тысяцкий, а вслух добавил: – боюсь – не боюсь, значения не имеет, раз велишь – поеду.

– Не ждал от тебя другого ответа, – с улыбкой произнес князь, – отправляйся домой, настанет пора – позову.

Георгий встал, поклонился и покинул горницу.

Почему-то в этот раз он не летел домой, словно на крыльях, а медленно шел, еле переставляя ноги – его одолевали тревожные думы. Не только за себя. За весь Галич.

Олеся

Одна из сабель должна была снести ему голову, вторая метила в защищенное лишь кольчугой плечо, но русич отбил их обе.

Амир-бек неумолимо наступал, не сбавляя темпа. Обмена несколькими ударами было достаточно, чтобы осознать: бек стал намного опаснее. Холодная ненависть сменила пылавший шквал гнева, который делал степняка уязвимым для опытного воина.

Но и он, тысяцкий Галицкой дружины повидал немало, даже слишком. Битвы, плен, рабство, снова схватки и сражения, горечь, отчаяние, страх, боль, разочарование и, вместе с тем, новые надежды. Все это лишь закалило его, сделало сильнее.

Клинки сабель сверкали немыслимо быстро, будто пять лет назад, однако соперники уже стали иными.

Бой шел на равных. Как в прошлый раз. Но теперь тысяцкий не был уверен в его исходе. Непонятно откуда взявшееся смятение охватило душу так, что ледяная рука сдавила все внутри, комок поступил к горлу. Эта схватка была словно повторением прошлого и между тем чем-то новым.

В этот раз он не ощущал твердой уверенности, что следует Воле Божьей.

Наитие не вело русича торной тропой.

Смятение в его душе умаляло силу, лишало хладнокровия и выдержки. Опыт, мастерство – только это не позволяло считать поединок проигранным.

Степняка, похоже, подобные чувства не тревожили. Он имел одну ясную и незамутненную цель – убить русича. И сделать это собирался наиболее быстрым и простым способом. За несколько лет гнев и ненависть в нем из урагана превратились в прямой и страшный полет стрелы. Стрелу, выпущенную из мощного лука степняка, не может остановить ни щит, ни кольчуга.

И все же никто из воинов не получил перевес. Русич с завидным постоянством отводил удары сверкающих в предзакатном солнце сабель, но и сам не мог нанести решающий удар. Бек не давал такой возможности.

Сколько это могло продолжаться? Сколько времени длился поединок?

Внезапно откуда-то сбоку раздался детский плач.

Сердце русича остановилось.

Раздался возглас: «брось свою саблю!».

Русич мгновенно обернулся. Один из степняков вывел из-за дома женщину с ребенком.

Олеся!

Земля чуть не ушла у нег из-под ног.

Нашли! Все-таки нашли!

Теперь развязка не замедлит себя ждать.

– Мы оставим ее в живых, если ты бросишь оружие! – произнес кто-то.

Горькая усмешка тронула губы тысяцкого.

– И снова ты не смог меня победить сам, – произнес он, обращаясь к своему противнику.

На лице Амир-бека не отразилось ни гнева, ни торжества. От ненависти, которую источал его взгляд, веяло холодом разверстой могилы.

Русич опустил оружие, которое тут же забрали из его разжавшихся пальцев. Он знал, что случится дальше, и все же надеялся.

Сабли, что взметнулись над головой Георгия, для него не существовали, он видел лишь ту, что сверкающим росчерком через мгновение должна была прервать жизни его жены и ребенка ...

Крик младенца внезапно вывел его из состояния тяжелого забытья. Темно. Реальность не сразу вытеснила ночные мороки. Какое-то время он не мог понять, что находится в своих покоях, рядом раздаётся мерное дыхание Олеси – его жены, а детям ничего не угрожает. Младенец снова заворочался у себя в колыбели и заплакал.

Все еще находясь в смятении, Георгий тихо встал, чтобы не разбудить жену. Она, наверное, только что заснула. Крепкий сон сморил ее, и молодая женщина сейчас не услышала плача ребенка.

Тысяцкий бережно взял сына на руки. Он боялся, что бешеный стук его сердца встревожит младенца, но от тепла его тела ребенок успокоился и снова уснул. Он еще не ведал лишений и несчастий, его младенческий сон был легок и безоблачен как лазоревое небо. Слышал ли он щебет птиц или Ангел пел ему колыбельные?

Между тем, тысяцкий только сейчас начал осознавать, что весь этот кошмар – не более чем ночной морок и от этого вдруг ощутил невысказанное облегчение. Увидеть, что беда угрожает его близким – это было самым страшным, что он мог себе представить. Ничто больше не смогло бы его испугать. Ни смертельная опасность в битве, ни тяжкий плен. Георгий знал точно. Все это уже было.

Олеся рядом заворочалась.

– Федосеюшка не спит? – сквозь сон спросила она.

– Спит, – ответил Георгий, снова ложась, – и ты отдыхай, днем замаялась.

– Устала что-то... сморило без памяти... сам что не спишь?

– Неладное приснилось...

– Забудь...

– Забуду.

И все-таки Георгий не мог выбросить из головы тот леденящий страх от осознания, что может потерять жену и ребенка.

– Что рано встал? К князю? – услышал Георгий голос Олеси.

– Нет, – с улыбкой ответил тот. – Князь дома велел сидеть, пока не занадоблюсь.

– Назад, в Кременец скоро? – спросила молодая женщина.

– Недели через две, – ответил Георгий. Он пока решил не говорить жене, что отправляется в Орду.

– Нас возьмешь?

Нет, я там не задержусь. Здесь князю нужен.

Георгий почти не слукавил. У него просто не было сил сказать, что через несколько недель он опять будет подвергаться опасностям длинного и трудного пути.

– Не задерживайся, – с улыбкой произнесла жена. – Мы по тебе соскучились. Я уж было стала собираться в Кременец, но Олена, Семенова жена мне отсоветовала. Куда, говорит, с дитем. Так я и не поехала.

– Ну и хорошо, – ответил Георгий. – Разминулись бы тогда. Как в прошлый раз, помнишь?

Олеся с укоризной посмотрела на мужа.

– Не напоминай даже. Не дай Бог такое снова пережить!

– Прости...

Георгий и сам был не рад, что припомнил, как возвратившись из Орды не застал жену – та с княгиней отправилась на богомолье, а когда Олеся приехала, Георгий уже был далеко от дома, плененный своим недругом. Почти год ему понадобилось, чтобы найти дорогу домой из далеких краев, в которые его забросила судьба. Все это время Олеся продолжала его ждать и отчаянно верить, что ее муж вернется, хотя все в дружине считали его погибшим.

– Такое больше не случится, – уверенно произнес Георгий.

– Мне теперь легче ждать, – произнесла Олеся, – у меня есть дети.

Словно подслушав разговор, в дверь, наполнив дом криками и визгом, влетели сорванцы, – белобрысый мальчишка лет восьми и черноволосая девчушка лет трех.

– Вася, Соня! Не бегайте здесь, идите во двор! – прикрикнула на них Олеся.

Те, словно бы не слышали, продолжая бегать и шуметь.

Георгий изловчился и поймал мальчика. Девочка остановилась сама.

– Отпусти Васю! Отпусти! – крикнула она.

– Не пущу, я его в плен взял! – с потешной серьезностью повестил Георгий.

– Злой ты как татарин! Пусти!

– А я не боюсь, – ответил с хохотом Василько, – я сбегу.

– Не сбежишь, – угрожающе произнес Георгий, – я тебя сейчас щекотать стану. Сказывай, друг мой, что тайного знаешь.

Василько рассмеялся еще громче – отец и правда стал его щекотать.

– Стой тату, стой! – проверещала Соня, – отпусти его, я скажу куда мы пирожки с Васей прятали. Там еще три осталось...

– Так вот куда снеть девается! – протянула Олеся. – Не успела мать пирогов испечь, как миса пустая стоит, а пирожки, значит спрятаны!

– Эх ты! – огорченно бросил Василько, – переветчица! Я бы ни за что не рассказал. Пусть меня хоть год щекочут!

– Я не переветчица! – горько заревела девочка. Из ее глазенок тут же полились крупные с горошину слезы.

Василько, казалось бы, уже устыдился своих слов.

– Не плачь, Соня, не плачь! – произнес он, вырвавшись, наконец, от отца. Мальчик подбежал к сестрице и обнял ее, глядя по курчавой головке.

Та сразу утихла.

– Не сердись? – спросила она, глядя своими агатовыми глазками прямо в серые глаза мальчика. – Я тебе еще пирожков принесу.

– Это что еще такое! – притворно сердито воскликнула Олеся, – не вздумайте еду со стола таскать!

– Мы больше не будем, – протянул Василько, глядя на молодую женщину честными глазами.

– Последний раз поверим, – с усмешкой произнес Георгий, – но больше чтоб не баловали! Не то! – он потянулся, вроде чтобы достать мальчика.

Василько потешно взвизнул и выскочил за дверь. Соня с хохотом выскочила следом.

На всю эту картину Олеся смотрела с умилением. Георгий слишком редко бывал дома. Совсем нечасто случались такие вот мгновения семейной теплоты и взаимопонимания.

Теперь и они иногда забывали, что Василько был им приемным сыном – Георгий привез его из Литвы, мальчик потерял родных в пограничной стычке.

В соседней комнате заворочался младенец, зачмокал, начал жалобно подавать голос.

– Я сейчас, – виновато бросила Олеся, – Федосеюшку покормлю. Не то разревется. Потом на стол соберу.

– Иди, – с улыбкой произнес Георгий. – Не торопись, я на улицу выйду, утренним воздухом подышу.

Олеся поспешила к ребенку, что уже покрикивал в люльке.

Утро не давало прохладу. Лето стояло жаркое. В такую пору ехать в степь не хотелось. А в Сарай-Берке не хотелось вовсе.

Георгий седел на крыльце и хмурился.

Рано или поздно ему придется сказать жене о том, что он отправляется в дальний путь, не появится дома с полгода, а то и больше. Ей было не привыкать, но что с того! У них было уже трое детей. Самой Олесе было все труднее управляться. Василько подрастал – ему нужна была мужская рука, Федосейка за пять месяцев своей жизни видел его нечасто. Хорошо хоть Соня узнавала, а то поначалу пугалась строгого бородатого дядьку.

Да и вернется ли он из своей рискованной поездки? Хорошо бы встретить князя Александра ближе к русским границам!

Георгию очень не хотелось соваться к волку в пасть.

Четыре года назад ордынцем Рушан-беком за его поимку была объявлена награда. Конечно, в Сарае за это время много воды утекло, вряд ли кто-то об этом вспомнит, но ненависть жестокого и мстительного бека точно не остыла.

Тархан Джанибек, к которому тысяцкий ходил по поручению князя, в прошлый раз чудом отпустил его, но как он поступит на этот раз, если судьба снова сведет их?

Тенгис...Амир-бек...один знакомец лучше другого.

С этими людьми Георгия связывали странные узы.

Довольно давно Георгий, возвращаясь из степи, на границе с Ордой нашел раненого воина в дорогой одежде. Отдав почти всю свою воду, он выходил его и довез до ближайшего половецкого кочевья. Придя в себя тот первым делом поинтересовался, почему русич его не убил и пообещал свою благодарность в обмен на такой благородный поступок.

– *Мы враги?*

– *Нет.*

– *Друзья?*

– *Нет.*

– *Я должен отблагодарить тебя.*

– *Мне не нужно награды.*

– *Ты отважный воин и хороший человек, я не убью тебя.*

Тысяцкий криво усмехнулся. Он помнил, как ага Тенгис отблагодарил его.

Всего через несколько лет судьба сделала их врагами, настоящими непримиримыми и расчетливыми врагами. Георгий обошел агу на ход, сумев защитить своего князя, но сам оказался в руках Тенгиса.

Тот выполнил свое обещание не убивать тысяцкого, хотя ярость от поражения чуть было не затуманила его разум. Однако вовсе отпустить врага ему не хватило благородства.

Тенгис лично привез Георгия в Кафу и продал на галере, чтобы тот хлебнул стыда и унижений, что испытал сам, проиграв игру, которую вел по приказу двух ордынских ханов.

Многое пришлось вынести русичу, пока он смог вернуться домой, но судьба уготовила ему еще не одну встречу с Тенгисом.

Дружина, что отправилась на поиски своего тысяцкого, смогла захватить агу врасплох, предложив Георгию самому решить судьбу степняка.

Тот несколько мгновений поколебался и...отпустил Тенгиса.

Чудом избавившись от плена, преодолев все преграды на пути к дому, русич не хотел думать о мести. В час радости он *не мог* лишиться жизни или свободы другого человека.

Тогда Тенгис-ага его не понял, посчитав, что русич, оставив ему жизнь, отомстил гораздо изощреннее, заставив терзаться сомнениями и стыдом. Однако позже, встретившись с Георгием еще раз, он в полной мере осознал великодушие русича и даже обещал помощь против Амир-бека.

Амир-бек...Это был кровный враг Георгия. Не такой как Тенгис. Жестокий ради забавы, убивавший просто для того, чтобы осознать себя избранным, почувствовать власть над

людьми... Раньше он был союзником Тенгиса, помогал претворять в жизнь его замыслы, но позднее, не без помощи тысяцкого, их пути разошлись.

Георгий сталкивался с ним чаще, чем хотелось бы, и вот, однажды, им пришлось сойтись в поединке. Победа осталась за русичем. Георгий даже был уверен, что убил его, однако тысяцкий лишь тяжело ранил хорезмца. Тот, к несчастью, выкарабкался и впоследствии даже сделал несколько попыток добраться до Георгия с помощью наемных убийц. Правда, последнее время от него не было вестей, но это спокойствие могло оказаться обманчивым.

Не стоило списывать со счетов и Рушан-бека...

Вот такие вот доброты ждали Георгия в Сарае и его окрестностях.

По двору все еще бегали ребятишки, их беззаботный смех совсем не вязался с мрачными мыслями Георгия. Так разобраться, в них и была жизнь. Только дети доверялись грядущим дням без сомнений. Не тревожили свою душу предчувствиями.

Тысяцкий резко встал, махнул рукой. Рассмеялся.

Неужели он будет здесь сидеть и рассуждать о том, кто из врагов его первым достанет?

Удача не может ему изменить! Раньше тучи пронесило стороной и сейчас пронесет.

Он все выдюжит, вытерпит и вернется домой! Потому что дома ждут дети и Олеся. Олеся. Она всегда будет ждать. Вымолит. Выпросит легкого пути домой. Поэтому стрела пролетит мимо и меч не ударит в спину.

Сколько можно малодушно сомневаться в милости Божьей? Как ни рассуждай, случится то, что суждено.

К чему печалится раньше срока и отнимать у себя светлые мгновения жизни?

Олеся только что вышла на крыльцо. Она видела согбенную спину своего мужа. Душой почувствовала его тревогу и смятение. Захотелось подойти, обнять Георгия, никуда не отпустить.

Олеся видела, как муж покачал головой, не соглашаясь с какими-то своими мыслями, потом вскочил, махнул рукой и рассмеялся.

Это было так знакомо, этот жест, весь его облик. Он только что победил свои тревожные предчувствия и был готов к новым невзгодам и неурядицам.

Георгий заметил Олесю, его лицо осветила улыбка.

– Иди ко мне, лада моя, – произнес он.

Олеся подошла, не отводя глаз от его лица.

– Ты ведь не в Кременец отправляешься? – тихо спросил она.

– Нет, – просто ответил Георгий, – я отправляюсь в далекий путь. Кто знает, что там со мной может случиться. – Он попытался обнять жену.

– Не беспокойся, все будет хорошо! Как всегда, – проговорил Георгий.

– Нет, – Олеся отстранилась. – Только не сейчас! Я не отпущу тебя! Я не могу без тебя! Не могу так жить! – молодая женщина разрыдалась. – Я все время одна! – причитала она сквозь слезы. – Никогда не знаю где ты? Что с тобой? Жив ли! Может, сгинул где, или, того хуже, лежишь на чужой земле израненный и некому помощь подать!

– Не плачь, – тихо произнес Георгий. Он все же обнял жену и гладил ее по рассыпавшимся по плечам русым волосам совсем как Василько Сонюшку несколько минут назад. – Такая моя доля, да и ты знала, за кого шла... Знала же?

– Знала, – прошептала Олеся, – но как же это тяжело. Тяжко... Все время быть порознь... Сил больше нет...

– Не плачь. Не плачь... Мне тоже нелегко. Каждый раз оставлять дом, никогда не зная, вернусь ли...

– Прости, – Олеся прижалась к мужу, словно взаправду собираясь куда-то его не пускать. – Прости меня. Я постараюсь найти силы ждать...

– Василько с Соней тебе помогут, да еще Федосей... Ты не будешь одна.

– Это так, но мне все равно не хватает тебя!

Георгий улыбнулся.

– Время пролетит быстро! Не думай о плохом. Я пока еще никуда не еду. Князь за мной сам придет, когда час настанет. Не станем омрачать те дни, что нам отпущены.

– Не станем, – Олеся решительно вытерла слезы рукавом рубашки, – прости меня...

– Прощу, – лукаво улыбнулся Георгий, – если снова станешь такой как прежде.

Олеся уже почти взяла себя в руки и через силу улыбнулась, напомнив ему ту самую послушницу из лесного скита, на которой он женился пять лет назад.

Так разобраться, не так уж много в них было разного.

Ко времени отъезда Олеся уже смирилась с мыслью, что муж снова отправляется в степь по неизвестному делу князя. Простых вещей Георгию не поручали, поэтому у нее были все основания опасаться.

Напоследок Даниил одарил Георгия. Земли боярина Вышка, что успел подмять под себя Доброслав отходили князю, так как Вышко погиб бездетным.

Даниил пожаловал эти земли Георгию вдобавок к нескольким, имеющимся у него на прокорм, деревенькам. Тот сначала запротивился, но князь остался непреклонным.

– Мало той награды! О семье думай! – ответил он.

Понимая, что, наделив землями, он добавил Георгию, и новую головную боль, князь вызвал боярина Борислава и велел тому заняться хозяйством тысяцкого, пока тот будет в отъезде – найти дельных тиунов и помощников для Олеси.

Тот взялся за поручение охотно, хоть оно было и не по роду и званию – Борислав раньше был пылко и безответно влюблен в жену тысяцкого, но, когда уяснил, что та при любых обстоятельствах останется верна Георгию, его пылкое чувство превратилось в искреннюю преданность.

В этом всем Георгий углядел не только заботу – князь хотел обеспечить его семью на случай, если ему суждено погибнуть. Сначала тысяцкий был раздосадован, а потом ощутил благодарность. Он так и не нажил богатств на службе у князя, несмотря на высокое звание, властью не пользовался, с боярами не дружил – он был простого рода, об этом все знали и обходили стороной, а, может, завидовали его быстрому взлету. Никто не хотел думать о том, что доверие Даниила он завоевал потом и кровью, своей пролитой кровью, а не отцовскими или дедовскими заслугами.

Разговор с князем о верности сыновьям, о том, что Галич и Холм он передает Шварну не на шутку встревожил Георгия. Что будет с его семьей, если страшное случится в его отсутствие?

От Шварна Георгий ничего плохого не ждал. Но Лев... Станет ли он оспаривать волю своего отца? Что будет в Холме, если начнется замятня?

На этот случай он решил обстоятельно поговорить с Олесей. Та тоже была ошеломлена свалившимся на их головы достатком.

«Теперь у нее просто не останется времени на горькие мысли, и то хлеб», – думал тысяцкий.

– Я многого тебе не могу рассказать, – начал Георгий, – это пока еще тайна, но скоро, может быть начнется неразбериха. Если что-то будет угрожать тебе и детям, немедленно уходи из Холма. Самое ценное держи под рукой. Не ровен час, некогда будет собраться. Уехать можешь в Кременец, там у Вышка был дом, думается, теперь он наш. Если до Кременца не

доедешь, езжай в Озеры, старая Явдоха тебя примет, скажешь, что ты моя жена. Староста обещал справить дом. В общем, Анджей знает куда, возьмите его семью и бегите от греха.

– А что нам может угрожать? – спросила Олеся.

– Не знаю, – задумчиво ответил тысяцкий, – возможно, ничего. Так было бы лучше. Но предупредить тебя я должен.

– Хорошо, – ответила Олеся без лишних вопросов. Она была настоящей женой тысяцкого.

– И еще, если я пришлю тебе весть о том, что нужно уходить из Холма, так же быстро собирайтесь и выезжайте.

– Хорошо.

Теперь сердце тысяцкого было спокойно.

Напоследок они крепко поцеловались, и Георгий ушел. Олеся не любила долгих, рвущих душу прощаний.

– Возвращайся скорее, – крикнула она вслед уходящему мужу.

Семен

Семен смотрел на Георгия и думал о том, что в душе они оба устали от бесконечных походов, поездок и стычек.

Все было уже не то и не так. Не чувствовался тот запал, что бередил кровь, лишь только они оставляли за спиной ворота города, или доставали меч из ножен, предчувствуя бой.

Что этакое с ними творилось? Неужели старость?

Семен криво усмехнулся.

Вот еще!

– Слышь, Егор, чой-то мне в сей раз в поход не хочется! – сотник всегда обращался к своему начальнику по-простецки.

Георгий в ответ усмехнулся.

– Признаюсь, и мне на душе не спокойно, – ответил он. – Тяжко было в этот раз семью оставлять.

– Вот как! И мне тоже... В этом, значит, беда...

Семен, много лет назад потерявший в набеге мать, жену и двоих детей, долгое время жил бобылем, но неожиданно для всех женился на вдове, что жила в кожевенной слободе и держала корчму. У вдовы было двое взрослых сыновей близнецов – Косьма и Дамиан, которые не сразу захотели принять себе нового батьку. Семену пришлось даже подраться, прежде чем два облома осознали его авторитет. Олена Афанасьевна – так звали женщину – не вдруг приняла сватовство сотника, видно опасалась подвоха. Однако вскоре сдалась, а сразу после свадьбы забеременела, что было хорошим знаком – и она и Семен были в летах. Малышка родилась не так давно и раньше срока, но быстро набирала силу. По ночам голосила, давая фору иным ратным. Семен в ней души не чаял – позднего ребенка он любил иначе, чем родившихся по юности и рано потерянных детей, в этом ему было стыдно признаться, но Олена понимала все и так. Она тоже искренне радовалась неожиданному для нее счастью, на которое она даже не надеялась.

Поэтому в этот раз Семену тяжело было оставлять дом, который появился у него лишь недавно.

Сотник отвернулся, чтобы скрыть, что на глаза набежала слеза. Но Георгий и так на него не смотрел. Он думал о своем.

Уже давно между ними установилось особенное взаимопонимание. Этих людей связывала самая искренняя дружба. Был, правда, у них еще один друг – разведчик Федор по прозвищу Хмурый, но он недавно погиб, защищая Кременец, о чем оба в глубине души переживали каждый по-своему.

Однако жизнь продолжалась, и нужно было отбросить печаль и сомнения.

– Ксюхе цацки из Сарая привезу, – задумчиво произнес Семен. (Ксенией или Оксаной они с женой называли свою дочь). – Будет первая девка в слободе. Если в мать красой и фигурой пойдет, не будет от женихов отбоя, – размечтался он.

– А если в тебя? – с усмешкой поинтересовался Георгий, отвлекшись от своих мыслей.

– В меня? – Семен опешил. Сотник был не просто здоров как бык, а огромен. На лице, заросшем курчавой бородой светились голубые глаза с искоркой хитрецы, хотя видел их Георгий и холодными как лед. – Нет, вряд ли, – бросил он, отмахиваясь рукой, – мы еще мальчика заделаем, тот пусть на меня походит, – вывернулся Семен.

Тысяцкий рассмеялся.

– Раз так, давайте! Чур, меня крестить зовите, – с улыбкой бросил Георгий. Крестной Ксении стала его жена – Олеся.

– О чем речь! Кого еще! – обиделся Семен.

– Ну не знаю...

– Молчи, коли не знаешь...

Так они ехали некоторое время без слов, поминая дом и тех, кого оставили.

– Анджей как? – нарушил молчание Георгий.

– Когда уезжал уже норовил в седло залезть, – бросил Семен.

– Неужто? – удивленно переспросил тысяцкий.

– Ты ж его знаешь! Как дышать не больно стало, начал хорохориться. Говорил ему – отлежись, раны отворятся, а он за свое – домой, говорит, поеду. Как там без меня? Связать пришлось...

– Связать? – Георгий не смог скрыть своего изумления, – даже так?

– Ну вот так, – глаза Семена были невинными как у монастырского послушника. – Как еще с ним бороться, подскажи на милость!

– Да... – Георгий слишком хорошо знал Анджея – своего десятника и названного брата, чтобы сомневаться в рассказе Семена. – Иной раз только связать остается. Ничего, поправится, благодарить станет, правда, сначала саблю достанет...

– А мы его не боимся, – произнес Семен, ласково поглаживая свой шестопер.

– Кто б сомневался!

Постепенно веселость Семена начала передаваться и ему. Холод от встречи со Львом уходил.

Георгий в тот раз бесстрастно выслушал речи князя о доверии к нему, понимая, что тот говорит искренне, вполне отдавая отчет своим словам. Однако никто не ожидал, что верность Георгия подвергнется испытанию так скоро.

Что ж, первое испытание он прошел!

До Владимира Волынского их больше ничего не должно было побеспокоить. По крайней мере, ему хотелось на это надеяться.

– Кстати, куда мы едем? – снова встрял в его мысли Семен.

– Во Владимир, – бросил Георгий.

Семен аж присвистнул от неожиданности.

– Ты же Льву сказал, что в Орду! Обманул что ли, чтобы отпустили?

На лице Семена было написано изумление. Кривду говорить Георгий не умел напрочь и не старался. Неужто научился?

– Сначала во Владимир, а потом в Орду, – невозмутимо ответил тот. – Вовсе я не обманул князя, просто не все рассказал...

Лицо Семена вытянулось.

– А тебе, тысяцкий, Византия на пользу пошла...

– Да уж, – добродушно бросил тот, – если забыть про галеру да Сварослава...

Далее путь и правда проходил спокойно. Без приключений малая дружина добралась почти до самого Владимира.

Только один переход отделял воев от столицы Волынского княжества.

Семен с Георгием коротали время в разговорах. О поручении князя Семен не расспрашивал, зная, что тысяцкий все равно не расскажет. Придет время и случай – поделится. Говорили о другом, о чем нет времени говорить дома, да и просто байки травили.

– Расскажи про Кременец! – опросил Семен, пользуясь редкой словоохотливостью Георгия. – Что у тебя там с разбойничьим атаманом получилось. Как там его звали? Иванко...

– Иванко-Перст, – ответил тысяцкий.

– Дивное прозвание... Почему Перст?

– На руке у него пол перста не хватало, отсюда и прозвище...

– А-а-а...

– Из наших был, из ратных. В Галиче служил. Я тогда сотником был, а он – десятником в чужой сотне. Я его потом вспомнил. Ладный воин, далеко пошел бы, да на грабеже попался, пришлось ему из дружины сбежать. Разбойничал везде все это время, да в Кременце голову сложил.

– Ты что ль помог? – хитро улыбаясь спросил Семен.

– Я.

– Расскажи.

Георгий скривился.

– Да что там рассказывать... – тысяцкий искренне не любил повествовать о себе.

– Расскажи уж как есть.

– Ладно... Слушай тогда...

Семен сорвал с дерева веточку и принялся жевать ее в предчувствии рассказа, пока тысяцкий собирался с мыслями.

– Приехал я в Кременец, только оказалось, что меня никто не ждал. Наместник, что князь на время назначил, проворовался весь, а чтобы скрыть недостачу на город разбойников навел – те обещали его дом не трогать, да еще добром поделиться. Собрал я сход горожан и решили мы от татей обороняться насколько сил хватит – стены и башни были почти срыты.

Разбойников привел Иванко, да не одна ватага пришла, а несколько – боярин богатую добычу обещал. Хотели город с налету взять, да не пришлось. Ты там был, сам видел, что подход к Кременцу один – крепость на горе стоит. Стали они вокруг, устроили осаду по науке, но мы их раз за разом отбивали.

Начались у них в стане разброд и шатание, а Иванко все отступить никак не хотел, доказать желал, что вояка почище нас будет.

Наконец, решились они на последний натиск, стали горящими стрелами город закидывать. А до этого сушь стояла, город занялся, но Иванку все одно было, он готов был уже город сжечь, лишь бы не отступить с позором. Конные разбойники прорвались в ворота, остальные на стены полезли. До того мы мало людей потеряли, а сейчас начался бой насмерть.

Только и мы татам несколько подарков приготовили, не рады оказались, что в город попали.

В разгар всего этого столкнулись мы с Перстом на наместничьем дворе. Его наперсник Дениска на меня напал, а атаман с Анджеем схлестнулся.

– Это Перст Анджея в бок мечом ударил? – прервал рассказ тысяцкого Семен, – неужто так силен был разбойник? Анджей ведь мечник не из последних!

– Он, – поморщившись, ответил Георгий, – не столько силен, сколько напорист. Анджей без того ранен был. Дрались мы там: три, пять разбойников на одного нашего, пока ты не подоспел. Где уж без царапины остаться. Так атаман его и достал, когда Анджей уже силы терял. Я хотел раньше к ним поспеть, но тати все пробиться не давали. А потом, когда я Перста уже прижал, конь под ним рухнул, а разбойник, пользуясь замятней, в овин спрятался. Я когда с коня прыгал, ногу повредил, но все равно Перста достал.

– Как? – жадно спросил Семен. Ради этого момента сотник и начал свои расспросы. Про осаду Кременца он и так уже знал от местных, которые превознесли заслуги наместника до небес. Только все они не ведали, что произошло в овине, когда туда вошел Георгий.

– И это рассказать? – с усмешкой спросил тысяцкий.

– Ясный день!

– Расскажи и это. – Георгий на мгновение замолчал. – Когда я увидел, что Иванко ранил Анджея, а думалось мне тогда, что убил, нахлынул на меня бешеный гнев. Хотел Персту голову снести на глазах у всех, налетел на него неистово, как со степняками не дрался. Тот пока мог, отбивался, но я его верно к тыну прижимал. Взял почти, да тут у него, как я говорил, конь

рухнул. Он – в овин, я – за ним. Сиганул с коня, а земля размякла – за час до этого ливень начался. Приземлился неловко – нога в грязи поехала. Думал, не сдержусь, закричу, такая боль была. Но она-то и привела меня в чувство. Перст засел в овине, в темноте, саблю приготовил мне голову снести, а я в запале горячечном на него хотел кинуться.

Постоял, пришел в себя. Бога о прощении попросил. Гнев утихомирил. Не я, так кто туда пошел бы? Сколько бы Перст людей там положил?

– И ты с такой-то ногой на атамана полез? – удивился Семен.

Георгий усмехнулся.

– Да уж, поковылял внутрь. Вошел, осмотрелся, глаза привыкли к темноте. Подумал: где бы я мог спрятаться? Пошел дальше, вроде бы наугад. А в последний момент саблю под клинок поставил и ударил сам.

Георгий замолчал, а Семен боялся вставить слово, чтобы не сбить его.

– Иванко... не сразу преставился, – продолжил тысяцкий. – Кое-что мне сказал, но это уж между нами останется. Хоть в тот момент я не чувствовал ненависти, все одно не по себе мне было. Тяжело на сердце. Лучше вовсе людей жизни не лишать...

– Так оно, конечно лучше, – вставил Семен, – только что делать с теми, кто на нашу землю сам пришел, чтобы жечь и убивать? Амир-бек у тебя жалости, поди, не вызвал.

– Амир-бек не русич, что пошел против своих, – задумчиво ответил Георгий, – да и вообще хорезмец – это совсем другое дело.

– Другое, – согласился Семен, – опаснее во сто крат.

– Это точно. Не хотел бы я с ним встретиться еще раз, – задумчиво произнес Георгий.

– Не доведется, – уверенно сказал Семен, – а если встретимся, пусть пеняет на себя!

В шатре кроме него никого не было, но тревога почему-то не оставляла Амир-бека.

Тот лежал, глядя на звезды, сквозь отверстие для дыма. Его мысли занимало многое. Караван, который они собирались ограбить завтра, смерть одного из беков, за которую обещали хорошо заплатить... Однако сегодня его мысли все время возвращались к старому кровному врагу – русичу.

Уже несколько лет он пытался отомстить, но не мог. Словно бы духи хранили этого нечестивца. Словно он был заколдован какими-то сильными чарами, не дающими причинить ему вред.

Амир-бек много раз терял терпение и метался в бреду от бешенства, но постепенно его пылающий гнев превратился в холодную ненависть.

Странный русич в первый раз стал его противником много лет назад в лесном скиту на границе. Казалось бы, легкое дело превратилось в затяжную осаду, когда выяснилось, что в скиту укрылись воины под предводительством Георгия. И даже тогда, когда одна из стен пала под напором степняков, русичи сумели дать отпор и продержаться до подхода своих – они лишь тянули время.

В том лесном скиту схватка свела их. Бой продолжался недолго, но Амир-бек был поражен поведением Георгия. Тот потерял в сшибке меч – он сломался под ударом булатных сабель бека, но в этот момент степняк не увидел страха на лице русича. Амир не знал, что сила Георгия – это вера, а не защита степных или лесных духов.

Один из дружинников кинул своему сотнику меч, и схватка продолжилась. Теперь уже русич теснил бека, так что он вынужден был бежать, чтобы не попасть в плен подоспевшим воинам с заставы.

Этот случай заставлял словно огнем гореть его душу. До сей поры у Амира не находилось равных ему противников. Его тогда утешало только одно – бек считал, что им помешали, иначе он еще мог взять верх.

С того раза Амир стал преследовать русича, объявил награду за его голову. Но месть никак не удавалось свершить. Однажды он почти настиг его в степи, но тот укрылся за воротами заставы.

Тогда бек вызвал его на поединок, но русич, конечно же, из-за ворот не вышел.

Поединок состоялся в другой раз. Когда Амир-бек с агой Тенгисом устроили западню для князя Даниила, которому служил русич.

Тот еще раз сумел расстроить их планы, но чтобы задержать степняков, в одиночку посмел остановить их отряд.

Тогда, обуреваемый бешенством, бек ринулся на своего кровника, ожидая, что легко победит его, но схватка затянулась. Амир, вымотанный своим бешеным напором, ошибся и пропустил удар. Меч Георгия оставил уродливый шрам на его шее. Беку тогда чудом удалось выжить. Теперь его речь понимали лишь некоторые из преданных слуг, а шрам приходилось прятать за серебряной пластинкой, украшенной синим камнем и арабской вязью.

Но и русич попал в плен. После поединка на него накинута аркан и не дали уехать восвояси.

Тенгис тогда велел увезти бека от опасности, хотя был на него сильно разгневан – из-за промедления князь смог уйти из западни. Но каково же было изумление Амира, когда он узнал, что ага не казнил странного русича, а лишь продал на галеру.

Только потом ему донесли, что Тенгис задолжал Георгию – тот когда-то спас жизнь аги. Ну и что?! Разве по отношению к неверным можно держать обещания?

Амир, уже оправившись от раны и разыскав своих людей, снова принялся за поиски русича и неожиданно нашел его в Никее. Там его свели с лучшим наемным убийцей, но тот по непонятной для бека причине не смог выполнить поручение.

Следующий раз он нанял людей в Литве, не рискуя самому встречаться с русичем, но и те не преуспели.

После этого, он решил больше на чужаков не полагаться. Эту месть он должен был свершить сам. С трезвой головой. Теперь он не совершит прежней ошибки, презирая противника и полагаясь на свою силу.

Только кровь русича смывает его позор. При нем воины, конечно, остерегались, но бек знал, что в его шайке судачат о прошлом провале на Руси, не веря больше в его удачу.

Да и сам он не мог себя почувствовать прежним лихим и непобедимым воином.

Теперь он решил отомстить русичу по-иному. Теперь Георгий должен был прийти к нему сам...

Неожиданный чуть слышный звук заставил Амир-бека вскочить на кошме.

Что это? Змея?

Бек рывком дотянулся до веток сложенных чуть в стороне и кинул охапку в очаг. Шатер тут же осветился. Огонь выхватил из темноты темное узкое тело, что замерло у стены, поднимая граненую голову.

Амир молниеносно метнул кинжал, пронзив ядовитую тварь. Осмотрелся вокруг. Больше змей он не увидел. Снова сел, тяжело дыша.

А если бы он спал и нечаянно потревожил тварь? Его смерть была бы ужасной!

Бека чуть не передернуло. Он уже много раз наблюдал подобную гибель.

Сколько времени она была здесь? Откуда взялась?

Сама забралась или нет?

Амир-бек, осененный догадкой вскочил и шагнул к выходу из шатра, приподнял полотнище – воин, стоящий на часах был на своем месте. Если бы злоумышленником был он, то уже давно скакал бы по степи далеко отсюда.

Завтра его допрошу. Сам при свете осмотрю шатер. Так это нельзя оставлять.

Внезапно в голову бека пришла мысль, заставившая спину обдать холодом.

Только он подумал о русиче, как неприятность свалилась на его голову. Неужели заступники Георгия так могущественны?

Может ли он бросить им вызов?

Жестокая усмешка скривила губы Амира, отчего его красивое лицо приняло хищное выражение.

Конечно же он бросит вызов!

Князь Василько

Ко Владимиру подъезжали уже на закате. Торопились. Георгий опасался, что в такой поздний час в город их не пропустят.

При взгляде на столицу Волыни в последних лучах заходящего солнца сердце Георгия сжалось.

Он помнил Владимир неприступным городом, окруженным мощными стенами. А сейчас укрепления выглядели жалкими – лишь крепкий тын защищал жителей от любого врага, что захотел бы взять город.

Несколько лет назад ордынский темник Бурундай вынудил Василька и Льва Даниловича разрушить укрепления городов Галича и Волыни, в том числе Кременца, который тысяцкий безуспешно пытался восстановить. Одним из этих городов был Владимир – столица Волынского княжества. Бурундай сам пошел с Васильком, чтобы посмотреть, как исполняется его приказ. Не дойдя до города, он остановился на ночь на Житани, но его жажда сравнять с землей крепость не могла ждать. Он вызвал Василько и велел разрушить укрепления до утра. Князь призадумался – стены нельзя было срыть быстро из-за их величины. Василько велел поджечь их, и за ночь они сгорели.

С болью в сердце смотрел Василько на зарево и лишь Бурундай радовался такому скорому исполнению приказа.

На другой день Бурундай приехал во Владимир и увидел все своими глазами. Удовлетворенный, он сел обедать у Василька на дворе, стал пить и веселиться. Но и того ему оказалось мало. Наутро прислал темник татарина, которому велел сказать: «Василько, прислал меня Бурундай и велел вал сравнять с землей». Волынский князь только сжал зубы в бессильной ярости.

– Делай, что тебе велели, – бросил он.

И крепостной вал сравняли в знак победы.

Так, без сражения город пал, так же как Данилов, Истожек, Львов, Кременец и Луцк. Только Холм удалось отстоять, обманув баскаков Бурундая.

Это поражение оба князя до сих пор не могли пережить. Вынужденные подчиниться силе Бурундая, Даниил и Василько проиграли войну до ее начала. Они больше не могли противостоять Орде в одиночку.

Несмотря на поздний час, Холмскую дружину встретили приветливо. Сам Василько сошел в нижний покой.

– Как брат? – с тревогой в голосе спросил он.

– Уже почти в прежней силе, – с улыбкой ответил Георгий. Он хорошо знал Волынского князя. Когда-то давно именно воины Василька подобрали двух сирот – Юрко и Яся и взяли в дружину. С тех пор судьба забрасывала Георгия в разные места, но о своей первой службе он не забывал. К тому же, Даниил часто посылал его во Владимир, чтобы помочь брату.

Даниила Галицкого и Владимира Волынского связывала редкая братская любовь. Никогда тень соперничества не ложилась между ними. Во всех сложных перипетиях их жизни, братья оставались верными друг другу. Галич и Волынь по своей сути были единым княжеством, всегда выступая заодно и в мире, и в войне. В отличие от других княжеств, которые по сию пору раздирали междоусобная рознь.

– Устали с дороги? – спросил князь.

– Есть немного, – честно ответил Георгий.

– Повечеряйте, да спать ложитесь, завтра поговорим, – произнес Василько, – подробнее обо всем расскажете.

Георгий с Семеном с охотой подчинились.

Наутро Василько ждал их у себя. Проговорив недолго, Семена отпустили.

– Так что задумал мой брат? – спросил у Георгия Волынский князь, когда они остались наедине.

Георгий невольно нахмурился.

– Князь посылает меня к Александру Ярославичу, – ответил он. – Хочет просить его о встрече. Тайной встрече. Чтобы вы могли еще раз поговорить об Орде. Мой князь надеется, что после поездки в Сарай-Берке Александр захочет вступить в союз. Хан Сартак – его друг и побратим убит, с ханом Берке отношения не складываются, он бессермен и притесняет православную веру. Хан вероломен и опасен. Нельзя надеяться на его обещания. Раз за разом он будет вызывать к себе князей, только для того чтобы ограбить и унижить. Князь Александр не может этого не понимать. Сейчас нельзя надеяться на дружбу с Ордой. Много изменилось в Сарае.

– Ты говоришь все правильно, – задумчиво произнес Василько, – только прислушается ли Александр? Есть ли у него такая сила, чтобы пойти супротив? Да и митрополит Кирилл сейчас против войны с бессерменами.

Глаза Георгия загорелись.

– Знаю, но неужели его нельзя переубедить? – произнес он. – Мой князь надеется на эту встречу. Он сказал, что ты сможешь мне встретиться с Александром Ярославичем.

Василько кивнул.

– Что ж! Я попробую... Может, в этот раз что-то и выйдет. Помню, как из Орды возвращался Даниил. Сколько унижений там ему пришлось перенести... Он дал тебе какое-то письмо?

– Нет.

Василько снова кивнул.

– Правильно, это опасно. Такое передается на словах... Лучше тебя для этого дела никого не сыскать.

– Но почему? – невольно поинтересовался Георгий.

– Почему? – усмехнулся князь. – Потому что ты долго служишь моему брату и ни разу его не подводил, а еще потому, что при одном взгляде на тебя становится ясно: этот человек верен и прям. Ему можно довериться и поведать о важном.

Георгий опустил взгляд, чтобы не выдать чувства, которые охватили его после этих слов.

– Мне сказали, что ты дашь мне провожатых, – через мгновение произнес он.

– Да, – Василько улыбнулся. – Одного из них ты знаешь.

– Кто это?

– О! Ты будешь рад нашей встрече. Он скоро придет. И еще... Вам нужен будет проводник. Я слышал о Хмуром... Очень жаль, что так с ним получилось. Нам всем будет его не хватать. Есть у меня верный человек, он вас и поведет. Родом из степей как Федор. Знает, где новости узнать, где грамотку взять с вестями от князя.

– Спаси Бог! – искренне поблагодарил Георгий. Иметь при себе такого человека было крайне выгодно, учитывая, что с Александром Ярославичем им придется встретиться где-то в бескрайней степи на обратном пути из Сарая.

У Даниила Галицкого было множество лазутчиков, которые направляли свои донесения из различных мест. В бытность свою простым разведчиком, Георгию не раз приходилось ездить в степь, чтобы доставить грамоты князю.

– Постарайтесь с ним ужиться, – бросил Василько. – Камиль – человек надежный, но со своим характером.

– Уж постараюсь, – ответил Георгий. Взаимоотношения с Хмурым у них тоже сложились не просто и не сразу.

– Дам тебе еще дружины, – продолжил Василько. – Маловато с тобой людей. Да боярина отправлю для важности...

– Может, не нужно боярина? – поинтересовался Георгий. – Без него скорее обернемся. Василько рассмеялся.

– Пригодится тебе боярин, – ответил он. – Сам из Новгорода, а родня из Переславля. Как с посольством встретитесь, найдет знакомцев, поможет.

– Раз так, то ладно. Возьмем и боярина. Лишь бы скорее в путь...

Василько наклонив голову, посмотрел на Георгия.

– Домой скорее хочешь вернуться? – спросил он.

– Хочу, – просто ответил тысяцкий.

– Александра в добром здравии? – поинтересовался князь. (Жену Георгия в крещении звали именно так, однако родные обращались к ней по-простому: Олеся).

– В добром, – тысяцкий улыбнулся, – Федосеюшка подрос, уже песни поет.

– Рад за вас. Понимаю, тяжело от семьи уезжать, но дело-то по-настоящему важное. Если будет тебе в нем удача, все иначе у нас станет.

Георгий посмотрел князю прямо в глаза.

– Я понимаю, – произнес он. – Не сомневайтесь во мне.

Василько снова улыбнулся.

– Да я и не сомневаюсь, – произнес он.

В этот момент в горницу вошел молодой священник. Он был высок, черноволос с живыми темными глазами.

Георгий широко улыбнулся и шагнул навстречу.

– Рад тебя видеть, отец Павел! – произнес он.

Лицо священника осветилось ответной улыбкой.

– И я тебя!

Отъезжали на следующее утро.

Боярин оказался плотным мужем лет пятидесяти. В путь отправлялся со своей свитой. Внешне он пришелся тысяцкому по душе, однако в будущем тот предвидел трения с его охранителями. В пути может быть только один начальник, а у них дружина стала разношерстной: люди из сотни Семена, волынцы со своим старшим и упомянутая боярская челядь.

Вскорости Георгию придется разьяснить, кто здесь главный, иначе толку из такой поездки не выйдет.

Еще большие сомнения вызвал проводник – Камиль.

По своему виду он казался самым настоящим ордынцем, а у Георгия было много причин их не любить. Держал он себя независимо, слушаться Георгия явно не собирался, поэтому тысяцкий решил про себя, что этого молодчика следует приручить первым, иначе проблем не оберешься.

Василько, видимо, не сомневался в способностях Георгия, поэтому, выйдя проводить путников, улыбался широко и самым искренним образом пожелал счастливого пути и легкой дороги домой.

Со двора выехали с радостным настроем. Дружинники улыбались, то там-то здесь раздавались шутки и сдержанный смех.

Семен было зыркнул назад, чтобы утихомирить весельчаков, но Георгий его остановил.

– Пусть радуются, – кто знает, с чем мы в степи столкнемся. Много ли нас домой возвратится?

Семен пожал плечами.

– Пусть радуются, – бросил он.

Камиль

Камиль только наполовину был татарин. На самом деле его мать была русской. Отец увел ее давно откуда-то из-под Рязани, сделал наложницей. От двух жен у него уже было два сына, но по-настоящему любил он русинку и ее ребенка.

Отец был сотником, имел хозяйство, табунок кобылиц. В первой половине своей жизни Камиль ни в чем не нуждался. Но потом отец в улусных спорах поддержал кого-то не того и был убит. Им самим еле удалось спастись.

Мать решила, что теперь настало время возвращаться. Камиль не спорил с ней. Он не знал, что такое Русь. Только по ночам мать рассказывала ему истории и пела песни о его второй родине.

В тайне от родителя мальчика удалось даже крестить, потому было у Камиля и второе имя – Константин, которое он привык держать в тайне. Так и носил он на шее амулет с арабской вязью и образок с Николой, что сняла со своей шеи мать.

До Руси они так и не дошли – женщина не выдержала пути и слегла. Мальчишка попал сначала к кочующим половцам, потом к степным разбойникам, которые чуть было его не продали на невольничьем рынке. Словом, испытал все то, что может предуготовить степь одинокому нищему мальчишке.

Волею судеб Камиль оказался на службе у Василька, где и решил задержаться подольше.

К своим соплеменникам со стороны отца он не испытывал никаких теплых чувств, поэтому без колебаний принял предложение волынского князя стать разведчиком и проводником в его дружине.

Так он мог почувствовать себя кем-то не хуже своего покойного отца – разведчики были на особом счету.

Новых попутчиков Камиль окинул придирчивым взглядом. Боярин со своими людьми, священник – этих он знал. Камиль невольно усмехнулся. Отец Павел пытался вести с ним разговоры о вере, но безуспешно. Разведчик кивал, соглашаясь, но ничего в своей жизни не менял. Выяснив, что тот хотя бы крещен, отец Павел отступился, проронив напоследок: «раз так, время твое еще не настало, жизнь сама к Богу приведет». Камиль хитро усмехнулся этим словам и выбросил их из головы. По его мнению, пользоваться покровительством двух богов – Аллаха и загадочной христианской троицы было куда как благоразумнее и предусмотрительнее.

Здоровяк-сотник и чернявый тысяцкий нравились Камиллю гораздо меньше.

Таких людей как сотник Семен Камиль подспудно опасался. Русич по всему, здоровый, с медвежьей неукротимой силой. Разведчик представлял, как он может разойтись во хмелю, если подвернется случай. Впрочем, хитрый прищур глаз выказывал в нем еще более опасное качество – живой ум.

Тысяцкий был еще хуже. Худощавый, но крепкий, жилистый. То, как он сидел в седле, ладное оружие говорило о том, что он много времени провел в степи, воевал сам, а не только приказы людям отдавал.

Сотник уважал и без сомнений признавал его власть, значит, было в этом человеке не богатырского сложения что-то особенное. Какая-то внутренняя сила.

Властный и независимый Георгий, скорее всего, захочет подчинить его себе, а Камиль любил быть сам себе господином.

Камиль решил понаблюдать за тысяцким больше. Тот не замечал или делал вид, что не замечает повышенное внимание со стороны разведчика. Только раз он ответил на взгляд

Камиля. Посмотрел внимательно, но без вражды, как бы примериваясь: кто кого и занялся дальше седлом.

Георгий пока никак не проявлял своего нрава, однако при взгляде на него Камиль еще в первый раз невольно вспомнил Джирджиса (так на востоке звучало имя «Георгий»). Эту легенду разведчик слышал еще в детстве.

Камиль невольно улыбнулся своим воспоминаниям: три черноглазых паренька на кошме и старая нянька в платке, раскачиваясь и позванивая монетками читает что-то нараспев...

Пророк Мухаммед послал Джирджиса к правителю Мосула с призывом принять истинную веру, но владыка повелел казнить его. Так и было совершено, но Аллах воскресил Джирджиса и послал обратно к правителю. Его казнили во второй раз, затем в третий, сожгли, а пепел выбросили в Тигр. Джирджис восстал из пепла, а властитель и его приближенные были истреблены.

Почему-то Камилю явно представлялось как Джирджис с обликом этого тысяцкого раз за разом приходит к надменному царю, чтобы повестить об истинной вере и затем хладнокровно ожидает казни.

Камиль помотал головой, чтобы наваждение прошло. Такого просто не могло быть. Этот Георгий, он же русич, христианин! Как разведчику могло такое представиться!

Темноволосые люди здесь, на границе были не в редкость – русичи уже давно начали родниться с хазарами, а затем с половцами.

В этот момент Камиль перехватил тяжелый взгляд тысяцкого.

«Он же мне не доверяет!» – молнией мелькнуло в его сознании.

Камиль криво усмехнулся.

Ну, погоди! Я тебе покажу, кто из нас чего стоит!

Такой случай не замедлил себя ждать.

Ехали лесной дорогой. Полсотни воинов и боярин с челядью.

Вряд ли у кого из лесных людешек рука поднялась бы на дружину – головы на плечах все же имелись, но осторожность все же не повредила бы.

Камиль наддал пятками по бокам коня и выехал вперед.

– Далеко? – бросил тысяцкий.

– Моя забота, – ответил Камиль удаляясь.

На лицо Георгия набежала тень, но он сдержался.

Камиль усмехнулся.

Так-то вот!

Отъехав шагов на сто и не заметив ничего подозрительного, он, в общем-то мог возвращаться, но хотелось показать тысяцкому, что он ему не подчиняется.

Вдруг, среди листвы ему почудился чей-то взгляд.

Камиль продолжал так же ехать вперед, хотя сердце его застыло.

Показалось, или действительно в лесу кто-то есть? Как остальным знак подать?

Камиль подспудно начал наблюдать за зарослями лещины, что тянулись слева. Изображая беспечность, он в любой момент был готов дать отпор.

Чуть не вздрогнул, когда в глущи закуковала кукушка.

Сердце часто забилося. Ему понадобилось несколько минут, чтобы взять себя в руки.

Однако лес был спокоен.

«Почудилось», – через несколько минут с облегчением вздохнул он.

И тут прямо ему на голову из густой листвы свалился человек. Сбоку сразу полезли еще.

Первой мыслью было позвать на помощь, но Камиль ее отбросил.

Он справится сам. Неужто испугается лесных татей?

Да и отъехал он от остальных порядочно. Все равно не услышат.

Тать, что упал с дерева, свалил Камиля на землю. Тот отбросил разбойника, рывком поднялся, вынул саблю и кинулся на остальных.

Татей оказалось с десятков, вооружены они были по большей части дрынами, но работы это не облегчало. Саблей дубину не отобьешь.

Камиля окружали. Тот отступал, очерчивая полукруги блестящим клинком. Если тати навалятся скопом – разведчику несдобровать. И все же отступление не могло длиться вечно – нападающих слишком много. Кто-то достал его сбоку. Рука онемела, чуть не выпустив саблю.

Процедив ругательство, Камиль взялся за рукоять двумя руками и приготовился биться насмерть.

Замах, сабля со свистом разрезала воздух, еще замах.

Подойди только!

Теперь его ударили по спине. Камиль упал прямо на деревянный дрын. На него навалились. Разведчик отбросил одного, другого. Снова стал свободен. Пришлось сражаться уже врукопашную – саблю выбили из рук. Перекидывал татей ловкими приемами, уворачивался от кольев толщиной с руку, снова отводя разбойников назад. Ушибы пульсировали болью в такт движению крови, но силы еще оставались.

«Не сдамся», – засело в голове.

Снова и снова откидывал разбойников. Но был предел и его удивительной ловкости и выносливости.

Не сдамся...

Степная неистовая душа не хотела отдавать победу даже при раскладе десять к одному.

В этот момент совсем рядом раздался разбойничий посвист.

Тати перестали наседать, насторожились, оглядываясь по сторонам. Во всяком случае, Камиль получил временный роздых.

На тропинку неторопливо выехал Семен, за ним Георгий и еще пятеро дружинников.

– Что встали? – холодно спросил Семен, – по домам, живо!

Разбойники опешили, не зная, как им поступить.

Георгий спрыгнул с коня, обнажил саблю, подошел и встал между ними и Камилем.

– Не пытайтесь даже, – произнес он.

– Что оглохли? – возвысил голос Семен, – батьку-атамана не признали? Пошли вон отсюда, кукушата, пока мы вас не посекали!

Разбойники, еле преодолев замешательство, стали пятиться, пытаясь подобрать свои дубины.

– Ну! – гаркнул Семен.

Тати бросились наутек, побросав свое «оружие».

Семен ехидно смотрел вслед отступающим.

– Кукушата! – еще раз презрительно бросил он.

Тысяцкий молча убрал саблю в ножны.

– Твои, что ли, бывшие? – спросил у Семена он.

– Нет вроде... хотя сначала один знакомым показался.

– Ну, ты даешь! – с ухмылкой бросил тысяцкий.

– Так послушались же! – рассмеялся сотник.

– Да тебя кто хочешь послушается, – ответил Георгий, – рожа у тебя чисто разбойничья, даром, что дружинник.

– А то, – удовлетворенно протянул Семен. Он ведь, и правда, до встречи с Георгием был разбойничьим атаманом.

– Вы зачем их отпустили? – мрачно спросил Камиль, поднимая с земли выбитую у него из руки саблю. Плечо горело. В его голосе слышался гнев. Эти люди только что чуть его не убили, а тысяцкий с сотником чему-то радовались. Разведчик не мог понять, чему.

– А что нам с ними было делать? – поинтересовался Семен.

– Как что?!

– Эти люди, – лицо Семена помрачнело, он него словно повеяло холодом, – мужики деревенские, голод их на дорогу погнал. Были б то тати, навроде как у меня в бытность, лежать бы тебе с проломленной башкой, а вернее – со стрелой в оке. А взять бы хотели, так взяли, не таковые мечники попадались – у него вот спроси, – Семен показал на Георгия.

Тот лишь усмехнулся.

– Да куда тебе понять, – с раздражением бросил Семен. – Ты не наш!

Камиль еле сдержался. Его давно так не оскорбляли. Сколько он наслушался этих речей по младости и от татар и от русичей, да многие поплатились за это жизнью или здоровьем.

– Погоди, вспомнишь свои слова, – процедил он.

– Что ты сказал? – спросил тысяцкий, пристально вглядываясь в лицо разведчика.

– Ничего, – бросил тот, ловко вскакывая в седло, ученый конь не ушел далеко от хозяина.

– То-то же!

Разговор продолжился чуть позже.

– Биться ты, конечно, мастак, но почему нас сразу не позвал? – спросил тысяцкий.

– Сам бы справился, – заносчиво ответил Камиль.

Говоря так, он понимал, что лишь вызывает у тысяцкого все большие раздражение и гнев, а князь поручил ему помогать этому человеку, но ничего поделать с собой не мог.

Тысяцкий ему не нравился.

– Сам бы не справился, – спокойно ответил тот. – А если бы татей больше оказалось? Мы в засаду попали?

Камиль не ответил. В глубине души он был согласен с Георгием, но сейчас в этом ни за что не признался бы. Его душил стыд.

– Мы едем вместе по важному делу и должны полагаться друг на друга, – продолжил тысяцкий. – Я должен тебе доверять, но не могу. Подумай об этом. Реши, кто ты?

Тысяцкий тронул поводья и поскакал вперед, навстречу своей дружине. Воины двинулись за ним. На их лицах не было написано ничего, хотя разведчик искал в них хотя бы тень злорадства.

Вопреки ожиданиям Камиля буря не разразилась, но от этого гнев его не угас.

Аллах, удержи мою руку! Святой Никола, молись обо мне!

Камиль хлестнул ни в чем не виноватого коня. В его душе образовалась странная пустота.

Действительно, кто я?

Древодел Андрей

Кременец дружина оставила в стороне. Георгий тяжелым взглядом проводил очертания горы, на которой лишь угадывался небольшой городок.

– Хочешь захватить? – спросил его Семен (сам он незадолго прибыл оттуда).

– Заехал бы, – ответил тысяцкий. – Времени нет.

– Нет, так нет... Там боярин сейчас с тиуном княжеским порядок наводят, – произнес Семен, – после Доброславовых выкрутасов.

– Это ладно, – усмехнулся Георгий. Сам он ни за что не взялся бы за такое хлопотное дело. Оборонять крепость ему казалось более легкой задачей.

– Сдается мне, они уже «освободили» Анджея...

– Сами виноваты, – невозмутимо ответил тысяцкий.

Заночевать решили на постоялом дворе недалеко от Киевского тракта.

Киевский тракт – торговый путь, который проторили купцы с незапамятных времен. В конце концов, эта дорога должна была привести путников в Сарай.

На постоялом дворе было людно. Места для всех не нашлось. В конце концов, под крышей разместился боярин со своими людьми, а Георгий с остальными разбили лагерь чуть поодаль.

Устроившись, Семен с Георгием и волынцем отправились пропустить стаканчик-другой, а заодно расспросить о новостях.

Боярин уже сидел внизу. Завидев своих, он пригласил их за стол, что оказалось удачей, так как остальные столы уже были заняты.

Боярин Иван Евстафьевич оказался вполне сносным спутником. Не просил остановиться до намеченного срока, чего так опасался тысяцкий. Рассуждал здраво, своего мнения не навязывал. Ждал, когда настанет его черед делать свое дело. Охрана боярина куда не спрашивали, нос не совала. Дмитро – старшой охранителей с Георгием быстро поладил. В прошлом ратный, он сразу почувствовал авторитет тысяцкого. С Семеном у них, правда, не заладилось, но свои трения оба не выставляли напоказ. Жизнь уже научила их уживаться и приспосабливаться к чужому уставу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.